

DOI:10.30842/ielcp230690152328

А. В. Жугра

(Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ДАТЕЛЬНОГО ЭТИЧЕСКОГО В РЕЧАХ ГЕРОЕВ АЛБАНСКОГО ЭПОСА

Статья продолжает исследование автора о дательном этическом в языке албанского героического эпоса. В отличие от функции дательного этического в повествовательном тексте нарратора, где он выступает маркером прямой эвиденциальности, употребление его в прямой речи героев указывает на точку зрения субъекта речи и связано с коммуникативной ситуацией.

Ключевые слова: эпос, албанский, дательный этический, коммуникативная ситуация

A. V. Zhugra

(Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg)

Dativus ethicus in the language of Albanian epic characters

The article continues the author's research of the ethical dative in the Albanian heroic epos language. Compared to the function of the ethical dative in the narrative text, where it is a marker of direct evidentiality, its use in the characters' direct speech highlights the speaker's point of view and is associated with a communicative situation.

Keywords: epos, Albanian, ethical dative, communicative situation

Дательный этический достаточно широко, но при этом неравномерно представлен в языке албанских эпических песен. Эта неравномерность связана с инвариантной структурой эпического текста как такового, а именно, наличием в нем двух видов (типов) текста – текста от нарратора (речь изображающая) и текста диалогов и монологов героев (речь изображенная). В количественном отношении для албанского эпоса характерно небольшое превышение доли авторской речи по сравнению с долей прямой речи героев, последняя составляет в среднем около 44% общего текста песни. Однако использование дательного этического в этих двух составляющих албанского эпоса различается весьма существенно – и количественно, и, как мы постараемся показать, функционально.

Изучение употребления дательного этического в албанском эпосе показало, что основная сфера его употребления (dat.eth. 1 л. ед.ч.) – это именно авторская речь, а главная его функция – выступать маркером засвидетельствованности, т. е. указывать

на повествователя как на очевидца описываемых событий, что сближает его с прямыми эвиденциалами (Жугра 2018). Употребление *dat.eth.* в прямой речи героев в указанной работе не рассматривалось, этому вопросу и посвящена настоящая статья.

Отметим, прежде всего, количественные различия: *dat.eth.* в тексте повествователя употребляется в пять раз чаще, чем в прямой речи героев, – около 900 примеров у нарратора и 170 примеров у героев. Дательный этический в авторской речи выступает главным образом с различными временными формами глаголов в индикативе (преимущественно с перфектом), а также (очень мало) – с формами адмиратива. Дательный этический, представленный в прямой речи героев, также употребляясь с глаголами в форме индикатива, демонстрирует тенденцию к достаточно частотному употреблению с формами императива, конъюнктива и инфинитива.

Следующее различие касается лексического состава глаголов, с которыми употребляется *dat.eth.* В тексте повествователя таких глаголов насчитывается 163 единицы, частота употребления которых разнится в десятки раз. Наиболее частотными являются глаголы речи, глаголы движения и перемещения в пространстве, ряд глаголов, обозначающих различные виды деятельности человека. Попавшие в эту группу глаголы *jam* 'быть' и *kam* 'иметь' зафиксированы ничтожным количеством примеров относительно общего числа. Дательный этический в прямой речи героев также выступает с сочетаниями с глаголами передачи информации, движения, обозначения видов деятельности, однако доля примеров *dat.eth.* с глаголами *jam* и *kam* здесь гораздо более высокая, – они составляют пятую часть общего их количества.

Прежде чем говорить о функционировании *dat.eth.* в эпосе, кратко остановимся на сути этого феномена. Дательный этический включает в предложение, описывающее некоторую ситуацию, некое лицо, обычно участника речевого акта, и тем самым делает это лицо причастным к описываемой ситуации, к которой он в действительности не имеет отношения в том смысле, что не является ее участником (Кустова 2012). Конструкции с *dat.eth.* принадлежат, прежде всего, устной разговорной речи, а в художественных произведениях они являются одним из средств ее имитации, в частности, в речах персонажей.

Албанская межличностная коммуникация построена на стратегии сближения, одним из проявлений которой является употребление *dat.eth.* в разговорной речи, в составе обычных

речевых клише. Обычные этикетные приветствия могут, по желанию говорящего, дополняться дательным этическим: *Kjo i tha tërë dhele: «Mirmëngjes, be. Si m'u gdhive, be? Si më je zotrote, be?»* (Kuteli: Corpus) 'Полная ласки, она сказала ему: «Доброе утро, бей. Как поспал (мне)? Как ты (мне), бей?»'. В таких случаях создается тональность теплоты, участливости.

Дательный этический часто включается и в конструкции с вопросительными наречиями *ku* 'где, куда', *kur* 'когда', с местоимением *ç* 'что' в наречном употреблении: *Ku më je?* 'Где ты (мне)?', *Ç'më rri aty?* 'Что ты тут сидишь (мне)?', *Pse më je dobësuar?* 'Почему ты похудел (мне)?'.

Высокая частотность дательного этического в разговорной речи нашла отражение в толковых словарях албанского языка, отмечающих отдельной словарной статьей, что краткая форма личного местоимения в дательном падеже *më* указывает на «близкую и доброжелательную позицию говорящего в отношении того, о чем ведется речь», а *dat.eth.* 1 л. мн. ч. *na* служит также и для усиления выразительности речи или выражения иронии (Fjalor 1981)¹.

Исследований дательного этического в албанском языке, насколько известно, не проводилось, но уже при первом взгляде на язык художественной литературы можно заметить, что некоторые албанские писатели используют его довольно активно как в прямой речи персонажей (воссоздание разговорной речи), так и в авторском тексте (создание особой «(за)душевной» тональности). Так, например, Стерьо Спассе (Sterjo Spasse) (1914–1989) активно использует дательный этический 1 и 2 лица ед. числа, а также 1 л. мн. числа в своей повести «На берегу озера» (Nentori, 1961/2.). В диалогах героев этой повести формы дательного этического *më/m'* часто употреблены в контексте скрытой полемики: – *Shyqyr Zotit, jemi mire tani, bukën e kemi! – iu përgjegj plaka. – Bukën e keni dhe më je veshur si lypëse!* (Spasse 1961: 25) '– Хорошо живем, слава Богу, хлеб есть! – ответила старуха. – Хлеб имеете, а одета ты (мне) как нищенка!'. Внутренняя речь главного героя, отражающая его размышления о переменах в родном селе, также полна примеров дательного этического. Дательный этический 2 л. ед. ч.

¹ Интересно, что авторы русского толкового словаря для формы *мне* приводят иную модальную характеристику: «Употребляется для выражения досады, раздражения или личной заинтересованности» (MAS 2, 1984).

используется для интимизации повествования: *Një të dëgjuar këngën, t'u ngrit si i çmëndur, e kap të vogëlin* 'Услышав песню, он подскочил (тебе) как сумасшедший и хватает малыша'.

* * *

Переходя к функционированию dat.eth. в прямой речи героев эпоса, отметим, что здесь он попадает как бы в естественную среду своего обитания, – в разговорную албанскую речь. Понятно, что особенности разговорной речи определяются целым рядом лингвистических факторов, такими как статус говорящего и слушающего, место и обстоятельства коммуникации, цели общения и др. Наш материал позволяет выделить следующие коммуникативные ситуации – идентификация адресата речи, побуждение адресата к выполнению определенных действий, осуждение адресата, угроза, установление более тесного контакта.

Отметим, прежде всего, что относительно большое количество примеров дательного этического с глаголами *jam* 'быть' и *kam* 'иметь' в прямой речи героев объясняется именно установкой нарратора имитировать разговорную речь. Для албанской разговорной речи, как было отмечено выше, характерно использование устойчивых клише с названными глаголами: *Si më je?* 'Как ты (мне)?', *Si të kam?* 'Как ты (букв. как я тебя имею)?'. Примеры из текста песен указывают, что дательный этический в таких случаях придает всему выражению эмоциональный оттенок сочувствия, сопереживания, участливости: – *Ç'ke, Halil, idhun qi po m'je?* (2: 128) 'Что (с тобой) Халиль, печальный (почему) ты (мне)?'; *Çka ke, djalë, ti idhun qi po më je?* (67: 24) 'Что с тобой, сынок, что ты печальный у меня (мне)?', *Due me u dredhë n'at kullë me hi, / as ndoi njeri n'siklet po m'asht, / qi kurr brimën nuk e len* (36: 36–38) 'Хочу свернуть и в этот дом войти, / кто-то там в большой беде находится (мне), / что плачет не прекращая'.

В случаях, когда предикат с этими глаголами содержит оценочные лексемы, дательный этический указывает, что интимизация оценки принадлежит субъекту речи. *I pari çete Muji m'asht, / zanat çetën po ma ka, / pllambë për pllambë krajlinë ma njef* (24: 26–28) 'Первый в дружине Муйо (мне), / четование имеет (мне) своим ремеслом, / пядь за пядью знает (мне) королевство'. Включение в речь дательного этического 1 л. ед. ч. показывает, что высказанные характеристики даны с точки зрения говорящего лица. Ср. также слова матери Омера о дружин-

никах, которые *inatçorë Muja m'i ka pasë* (27: 71) 'зловредными к Муйо были (букв. зловредными Муйо их (мне) имел', или ср. характеристику странного гостя, который *paj për seri ma ka lkurën e bardhë* (10:101) 'на удивление кожу белую (мне) имеет'.

Употребление дательного этического с другими глаголами обнаруживает определенные особенности в зависимости от коммуникативной ситуации.

Ситуация идентификации – *Какого ты рода?*

Ситуации, когда возникает необходимость идентификации собеседника, «выяснения личности» адресата речи, довольно многочисленны в жизни эпических героев: встреча в дороге, прием гостя, маскировка, ухаживание, дуэль и др. Речевая реализация подобных речевых актов может включать использование дательного этического, но очень часто осуществляется без него.

Идентификация героев, вступивших в поединок, сыграла определяющую роль в его исходе в песне «Поединок между двумя неузнанными братьями» (№ 12, «*Bejlegu ndërmjet dy vllazënve të panjoftun (Arnaut Osmani e Hyso Radoica)*»). Арнаут Османи – эпический герой, принадлежащий миру албанских богатырей, живущих в Ютбине, тогда как Хюсо Радоица относится к миру их противников, он живет в некоем королевстве. Хюсо Радоица похитил невесту Арнаута Османи, между ними в тот же день была назначена дата их будущего поединка. Эта деталь важна, так как позволяет нарратору показать благородство в характере похитителя, который заявляет в письме к Осману, что до исхода поединка не посягнет на честь девушки: *n'vend t'motrës nusen ta due* 'как сестру буду любить твою невесту' (12: 174).

В поединке оба героя проявляют силу и бьются на равных, но наступает момент, когда продолжать бой дальше уже невозможно, – кровь застилает глаза, противники не видят друг друга. Они делают перерыв, невеста приносит им воды, герои умывают лицо, садятся и начинают разговаривать. Вот здесь и происходит решающее объяснение, здесь противники задают друг другу вопрос: «А кто ты? Какого ты роду-племени?».

– *Pash nji zot, Arnaut Osmani,*
due me t'pvetë e me m'kallzue,
fisin tand, djalë, kah ma ke

*e kur je nisë në mejdan me m'dalë,
a m'ke lanëe rob në shipi,
a m'ke lanëe ndoi shoq në vllazni?* (12: 260–265)

‘Богом заклинаю, Арнаут Османи, / хочу спросить тебя и чтобы ты мне рассказал, / род твой, юноша, где у тебя (букв. где (мне) его имеешь) / и, когда ты отправился на поединок со мной, / а оставил ли (мне) дома кого-нибудь, / а оставил ли (мне) какого-нибудь товарища среди братьев?’.

Аналогично строится и встречный вопрос: – *Edhe ty, Hyso, po të pyes: / fisin tand, ti, kah ma ke* (12: 295–296) ‘ – И я тебя, Хюсо, спрашиваю: / род твой, где у тебя ты, (букв. ты где его мне имеешь)’ и далее повторяется текст первого вопроса².

В этой беседе двух противников обращает на себя внимание использование ими в своей речи формы дательного этического 1 л. ед ч. *më/m'*. В ситуации бескомпромиссного и упорного поединка, когда кровь застилает глаза, противники не должны испытывать друг к другу никаких положительных чувств, ведь они сражаются не «из спортивного интереса», а каждый по своей весомой причине. Однако в своих вопросах они прибегают к дательному этическому, который употреблен в данной ситуации явно для установления более тесного контакта с адресатом. Каждый из участников поединка как бы готов допустить противника в свой мир, – дательным этическим адресат допускается (включается) в личную сферу говорящего, становится для него как бы «своим». Всеведущий нарратор, знающий наперед развитие действий, подсказывает таким образом слушателю, что ожидаемый финал будет благополучным (дательный этический подсказки).

Ситуация императивная

Эпические герои в своих речах часто наставляют молодых богатырей на совершение подвига, дают советы друзьям, напутствуют, обращаются с просьбами и т. д. Высказывания с императивной, точнее волитивной, семантикой довольно частотны в языке эпоса, 36 примеров из общего количества в 170 единиц.

² Выражение «Какого ты роду?» рассмотрено А. Файгейлем (Fajgejl 2016) в плане эпической поэтики с привлечением материала греческого, германского и русского эпосов. Автор квалифицирует это формульное выражение как особую эпическую формулу (phrase-motif-pattern), в которой значение идентификации переплетается (ассоциируется) со значениями дуэли и узнавания.

Волеизъявление говорящего может быть выражено формами императива, конъюнктива и гегского инфинитива. В волитивных высказываниях представлен достаточно широкий спектр побудительных значений, обусловленных характером коммуникативной ситуации, – от ласковой просьбы, мольбы или совета до требования и категорического приказа. Проиллюстрируем это двумя примерами.

В количественном отношении (18 из 36 примеров) выделяется группа высказываний с общим значением передать третьему лицу какую-то важную информацию. Если предикат в таких конструкциях выражается словосочетаниями *them fjalë* ‘сказать слово’ и *çoj fjalë* ‘послать слово’, то присутствие в таких конструкциях дательного этического сообщает всему высказыванию дополнительное значение притяжательности. Юный герой Омер тяжело ранен, он обращается с последней просьбой к своему отцу:

*E 'i amanet due me ta lanëe,
nji fjalë nanës me m'ja thanëe,
nji fjalë nanës me m'ja çue,
thuej «Omerin tu daja e kam çue»,
se jam dekë mos me i diftue (30: 151–155)*

‘Последнюю просьбу тебе оставляю, / весть (букв. слово) матери (мне) сообщить, / весть (букв. слово) матери (мне) передать, / скажи «Омера я к дяде отправил», / что я умер не говори’.

В приведенном примере в форме дательного этического присутствует также значение притяжательности – «сообщи матери весть от меня, передай ей мое слово».

Совершенно иной характер имеет коммуникативная ситуация возможного позора, при одной только мысли о которой герой впадает в состояние крайнего возмущения и требует наказания провинившегося:

E n'pastë menden me na koritë fisin, / gjujma, re, qetash me kokërr rrfeje! / Zirma tokë, përjashta n'natë të vorrit! (4: 72–74) ‘А если он задумал наш род опозорить, / порази его (мне), туча, прямо сейчас молнией! / Вытащи (извлеки) его (мне), земля, наружу в ночь похорон!’. Этот пример интересен в нескольких отношениях. Прежде всего, здесь прямое дополнение *e* ‘его’ и дательный этический стоят в постпозиции к императиву, образуя с ним одну словоформу *gjujma, zirma*. Такое построение глагольной формы придает значению императива бóльшую категоричность. Отметим также, что герой обращается со своим

призывом к силам природы, к туче (т. е. к небу) и к земле, что превращает его пламенную просьбу в заклинание. Благодаря употреблению дательного этического императивное высказывание осложняется добавочным значением заинтересованности говорящего в выполнении его волеизъявления.

Дательный этический 2-го лица ед. числа

Употребление дательного этического 2 л. ед. ч. в эпосе обнаруживает иные модальные значения, зависящие, в том числе, от типа речи говорящего, – монолог или реплика в составе диалога.

В составе монолога дательный этический может выступать в уже названной функции «подсказки слушателю». Рассмотрим использование нарратором этого приема подсказки, наряду с другими средствами, на примере песни Ager Isvano.

*Zoti çoi at Krajlin e Kotorrit,
m'i dogj kullat e sarajet,
edhe tetë djelm m'i ka pre,
tetë rejat robina m'i ka marrë,
e për grue çikën ma ka marrë
e m'ka lane qyqe n'sokak,
natë as ditë brimën s'e la,
sa der syt lott m'i kanë qorrue.*

(36: 63–71)

*T'ka çue zoti Krajlin e Kotorrit,
bytym kullat t'i ka djegë,
tetë vllaznit t'i ka pre,
tetë kunatat rob t'i ka marrë
e t'ka marrë motrën për grue,
qyqe n'sokak nanën ta ka lane
e ka marrë brimën qi bërtet,
Natë as ditë brimën s'ta len,
deri lott sytë ja kanë qorrue*

(36: 111–119)

Левый столбец представляет собой часть монолога матери, в котором она повествует незнакомцу, юноше-перевозчику, о постигших ее бедах и несчастьях и просит его рассказывать об этом повсюду в надежде, что найдется последний из оставшихся в живых девяти сыновей. Правый столбец представляет собой рассказ юноши-перевозчика о жизни этой женщины, т. е., в сущности, пересказ услышанного от нее.

В рассказе матери неоднократно употребляется краткая форма местоимения 1 л. ед. ч. *m'*, которую следует трактовать как имеющую притяжательное значение: *m'i dogj kullat e sarajet* 'сжег мои (букв. мне) дома и дворцы', *edhe tetë djelm m'i ka pre* 'и восьмерых сыновей моих (букв. мне) зарезал' и т.д. Сложнее, однако, объяснить значение краткой формы местоимения 2 л. ед. ч. *t'* в правом столбце. Здесь перед нами иная коммуникативная ситуация, – не имеющий никакого отношения к описываемым событиям юноша-перевозчик в каком-то далеком горо-

де (n'nji shehër t'largtë) пересказывает эти же события совершенно незнакомому человеку, попросившему его повторить этот рассказ. Говорящий не знает, кем является этот незнакомец, однако в своей речи он производит замены терминов родства и краткой формы местоимения *m'* на форму *t'*. Термины родства в речи матери: *djelm* 'сыновья', *rejat* 'невестки', *çikë* 'дочь' заменяются в речи перевозчика соответственно на: *vllazën* 'братья', *kunatat* 'невестки', *motra* 'сестра', отражающие смену исходного его этих терминов. Такая замена ориентирует слушателя на интерпретацию *t'* как имеющего посессивное значение. Однако начальная и конечная строки, обрамляющие этот текст, явно указывают на дательный этический.

Первая строка *T'ka çue zoti Krajlin e Kotorrit* 'Послал (тебе) господь Краля из Котора' задает тональность речи, здесь дательный этический *t'* вносит в повествование ноту доверительности, в заключительных строках *Natë as ditë brimën s'ta len, / deri lott sytë ja kanë qorrue* 'Ни ночью, ни днем кричать (тебе) не перестает (букв. крик тебе не оставляет), / пока глаза от слез не ослепли' заданная тональность поддерживается использованием дательного этического, который указывает на расположение рассказчика (первозчика) к своему адресату (незнакомцу по имени Ager Isvano). Как можно заключить, нарратор в этой песне использовал прямую речь героев и возможности краткой формы местоимения 2 л. ед. ч. *t'* в построении сюжета, а именно, в развертывании интриги, о сути которой слушатель должен догадаться из косвенных подсказок.

Употребление дательного этического 2-го лица ед. числа в диалогах представлено в двух вариантах, которые можно условно обозначить один – как дательный обвинительный, второй – как дательный злой насмешки.

Dativus ethicus обвинительный

В коммуникативной ситуации «беседа мужей» при смене темы разговора один из коммуникантов произносит речь, которую можно квалифицировать как обвинительную. На заявление юного Омера о готовности выступить против чудища морского ему замечают, что сначала он должен был бы освободить из заточения своих отца и дядю.

*Qe shtatë vjet krajli t'i ka xanë
e n'Kotorr kryet po ta lanëe,
leshi i kresë n'tokë u ka ra,*

*qe shtatë vjet diellin s'e kanë pa,
qe shtatë vjet ndrrue s't'u kanë,
qe shtatë vjet rrue s't'u janë!* (27: 136–141)

‘Вот семь лет, как краль у тебя их забрал, / и в Которе головы они (тебе) кладут, / волосы на голове у них выпали (букв. на землю упали), / вот семь лет солнца они не видят, / вот семь лет они (тебе) одежду не меняли, / вот семь лет они (тебе) не брились’.

Надо напомнить, что беседы мужей были важной составляющей жизни патриархального общества североалбанских горцев, здесь были выработаны нормы красноречия, которых следовало придерживаться. В публичной речи требовалось избегать прямых обвинений, горец не мог сказать собеседнику «Ты врешь», он говорил: «Я имею другое мнение». Поэтому и упреки в адрес Омера оформлены не напрямую, а через описание ситуации, участником которой он не является, но благодаря введению дательного этического становится этой ситуации сопричастным. Скрытый смысл приведенного высказывания понятен – все будущие страдания попавших в плен богатырей вменяются в вину Омержу, и дательный этический *t'* прямо указывает на это.

О целенаправленности использования нарратором дательного этического именно в этом «обвинительном» контексте свидетельствует его отсутствие в прямой речи матери Омержу, пересказывающей то же самое событие: *leshi i kresë n'tokë u kara, / të palamë janë, të pandrrue, / m'ka ardhë e keqja me t'kallxue, / qe shtatë vjet s'i kam pa me sy* (27: 161–164) ‘волосы на голове у них выпали, / не мыты они, не переодеты, / мне было жаль тебе рассказывать, / вот семь лет как я их в глаза не видела’. Мать Омержу, не открывшая ему правды, не может считать сына виноватым в неисполнении им своего долга.

Использование дательного этического 2 л. ед. ч. для выражения упрека в адрес слушающего встречается и в других коммуникативных ситуациях, вот мать упрекает Муйо за то, что он не дал своему брату коня: *Rrezik djali me ba me e pasë / e n'Krajli gja me ta gjetë, / sa t'jesh gjallë djalit ja kujton!* (4: 167–169) ‘Если с опасностью парень столкнется / и в Королевстве с ним что-то (тебе) случится, / сколько будешь жив, будешь помнить о парне!’; вот заны³ торопят Муйо прийти на помощь Халилю, пото-

³ Заны – мифические существа, воинственные девы-воительницы, живущие в горах, подробнее см. Elsie 2001.

му что *kurr ma ngushtë Halili s'ka qillue, / gjithë rreth shkjetë ta kanë rrethue!* (24: 344–345) ‘никогда Халилю тяжелее не бывало, / полностью его *shkjetë* (тебе) окружили!’. Оформленный таким способом упрек звучит менее категорично.

Dativus ethicus насмешки

К этому же негативному семантическому полю относятся случаи использования дательного этического 2 л. ед. ч. в коммуникативной ситуации злой насмешки, когда говорящий, сообщая о совершенных им поступках или комментируя поступки адресата, хочет задеть гордость собеседника или причинить ему моральные страдания.

Перед началом поединка Халиль заявляет противнику: *t'kam pre tanë mjeshtrit e Krajlisë, / nuk kam pre dyqind fukara* (45: 317–318) ‘я зарезал (тебе) всех мастеров Королевства, / я не двести бедняков зарезал’; плененный Осман Ага говорит Кралю: *çajren vedit për ta s'dijta, / n'zyft e n'peshkve, krajl, t'i ljeva, / nuri krajl, un të dy i dogja*, (16: 27–29) ‘своей жалости к ним (т. е. родителям Краля, – А.Ж.) я не знал, / в смоле и перьях, краль, я (тебе) их вымазал, / ясный краль, я их обоих сжег’; когда сестра Хасана Ага ищет в горах своего брата, черный ворон ей отвечает: *Në shpinë të bjeshkës, tha, vetë ta kam lanëe, / sytë e ballit vetë t'ja kam xjerrë, / edhe bisha kryet t'ja ka ngranë* (73: 43–45) ‘На склоне горы, сказал, сам я (тебе) его оставил, / сам глаза его (тебе) выклевал, / а дикий зверь голову его (тебе) съел’.

Открытая ирония появляется в разговоре полемического характера между кралем, который бахвалится своими богатствами и храбростью, и его женой, которая на каждый его аргумент приводит свой контраргумент. Вся речь жены краля наполнена насмешливыми сравнениями, и завершается убийственным заключением: *paj për s' kundert me e pa m'ndoi kodër, / ja m'then kambën, ja m'then dorën* (22: 43–44) ‘ну а если столкнешься с ним (с противником – А.Ж.) на каком-нибудь холме, / или ногу сломаешь (мне), или руку сломаешь (мне)’. Ясно, что краль сломаёт свою руку или ногу, а дательный этический 1 л. ед. ч. указывает на оценку ситуации субъектом речи.

Изложенный материал позволяет сделать следующие выводы. С точки зрения общей характеристики эпического произведения дательный этический в речах героев дает возможность

имитировать разговорную речь, внося живые краски в эпический повествовательный стиль.

В рамках собственно прямой речи героев дательный этический вносит дополнительный субъективный план в высказывания, содержащие оценочный компонент, он участвует в реализации коммуникативно обусловленных речевых тактик – приказа, просьбы, обвинения, насмешки.

Литература и источники

- Elsie, R. 2001: *A Dictionary of Albanian Religion, Mythology and Folk Culture*. New York University Press. New York.
- Epika 1966 – *Folklor shqiptar, II. Epika legjendare*. Tiranë.
- Fajgejl A. 2016: 'What is your tribe?' An example of the question of identity in the Albanian epic. In: *Eposi i kreshnikëve: monument i trashëgimisë kulturore shqiptare [Epos of the frontier warriors: a monument of the Albanian cultural heritage]*. Vol. I. Prishtina, 387–397.
- Fjalor 1981 – *Fjalor i gjuhës së sotme shqipe*. Prishtinë.
- Gramatika 1995 – Demiraj, Sh. 1995: *Gramatika e gjuhës shqipe. Vëllimi I. Morfologjia*. Redaktor i vëllimit prof. Shaban Demiraj. Tiranë.
- Kustova, G. I. 2012: *Datelny padezh. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki [Dative case. Data for project of Corpus Studies of Russian grammar]* Na pravakh rukopisi [manuscript]. Moscow (<http://rusgram.ru>).
- Кустова, Г. И. 2012: *Дательный падеж. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики*. На правах рукописи. М. (<http://rusgram.ru>).
- Kuteli – <http://web-corpora.net/AlbanianCorpus/search/>
- MAS – *Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian Language]*. Vol. I–IV. A. P. Evgen'eva (ed.). 2nd. edition. Moscow: Russkiy Yazyk, 1981–1984.
- МАС – *Словарь русского языка: В 4-х т. Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп.* – М.: Русский язык, 1981–1984.
- Spasse, S. 1961: Buzë liqenit. *Nëndori*, 2.
- Zhugra, A.V. 2018: [Dativus Ethicus in Albanian epic texts (some remarks)]. *Indoevropeskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology]* 22 (1), 499–518.
- Жугра, А. В. 2018: Dativus Ethicus в албанском эпическом тексте (некоторые наблюдения). *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 22 (1), 499–518.